

ВЛАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ КАРАЧАЕВСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В ГОДЫ НЭПа

*Работа представлена кафедрой истории России
Карачаево-Черкесского государственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. М. Бегаулов*

В статье исследуются властные структуры Карачаевской национальной автономии в годы НЭПа. Впервые на основе архивных материалов анализируется этнический состав, профессиональная, половозрастная, должностная и социальная структура новой советской властной элиты Карачаевской автономии в период новой экономической политики (1920-е гг.)

Power structures of the Karachay National Autonomy in the years of the New Economic Policy are investigated in the article. Basing on archival materials, the author pioneers the analysis of the ethnic composition, professional, gender-age, official and social structure of the new Soviet power-wielding elite of the Karachay Autonomy in the period of the New Economic Policy (the 1920s).

В царское время аппарат управления Карачаем (Хумаринским участком Баталпашинского отдела Кубанской области) был достаточно скромным. Он ограничивался на уровне каждого из 13 селений старшиной и писарем, а на уровне участка – участковым начальником (приставом), писарем и лесничим¹. Установление советской власти влекло за собой усложнение и умножение управленческих структур.

Во-первых, появилась национально-территориальная автономия: в 1920 г. – Карачаевский округ, в 1922 г. – Карачаево-Черкесская автономная область (КЧАО), уже

в 1926 г. распавшаяся на Карачаевскую автономную область (КАО), Черкесский национальный округ и Баталпашинский (Русский) район. КАО вначале подразделялась на округа, затем – на районы. Соответственно, возникла и трехзвенная вертикаль *советских (государственных)* органов власти и управления: сельсоветы – райсоветы с райисполкомами – облсовет с облисполкомом.

Во-вторых, параллельно создавалась трехзвенная вертикаль *партийного* управления: секретарь аульской партийной ячейки – окружной районный комитет – областной комитет (обком) ВКП(б).

В-третьих, на территории селений возникали *хозяйственные* структуры (колхозы и совхозы), которые в управленческом плане были обособлены от муниципальных властей, а в период НЭПа – и от местных партийных организаций.

Таким образом, в рассматриваемые годы функционировали три иерархически выстроенные управленческие структуры – государственная, партийная и хозяйственная.

Данные процессы обуславливали рост управленческой прослойки, которая – в силу самого усложнения управленческих задач – не могла формироваться на селе, где отсутствовала система подготовки управленческих кадров. Поэтому объективно создание и становление новой, советской правящей элиты Карачая неразрывно связано с городами. В нашем случае это были вначале Кисловодск, затем – Баталпашинск (совр. г. Черкесск), а чуть позже – Микоян-Шахар (совр. г. Карачаевск).

Рассмотрим *этнический состав* управленцев того времени. На начальном этапе определенную роль в этом плане сыграло следующее. Карачаевский округ не имел на своей территории ни одного города, поэтому его административные органы в ноябре 1920 г. расположились в Кисловодске. Данное обстоятельство было оформлено приказом исполкома Терского областного Совета от 29.12.1920 г., где было определено, что «Карачаевский окружной ревком имеет свою резиденцию в г. Кисловодске, не распространяя, однако, своих действий на Кисловодск и его районы»². Удаленность города от карачаевских аулов обусловила то, что изначально же в среднем и низовом уровнях окружного аппарата преобладали русские специалисты. Так, в 1921 г. из 16 штатных работников ревкома карачаевцев было лишь трое. Правда они являлись первыми лицами – председатель, один член ревкома, зав. отделом. Остальной штатный состав – ответственные (зав. подотделами, секретари) и технические (делопроизводители, машинистки) служащие,

а также работники хозяйственной части (завхоз, счетовод комендант, уборщица) составляли кисловодчане – русские, евреи, армяне³.

С образованием КЧАО региональный аппарат переместился в г. Баталпашинск. Здесь же практически все годы НЭПа фактически пребывал и партийно-советско-хозяйственный аппарат КАО. Поэтому низовое и среднее звенья областного аппарата формировались преимущественно из городского, т. е. русского, населения. Но высший, региональный уровень властных структур по-прежнему составляли представители «титულიной» нации.

Государственное управление КАО в своей основе находилось в руках карачаевцев. По состоянию на 1926 г. (т. е. в первый же год существования КАО), из 43 членов исполнительного комитета областного Совета депутатов (облисполкома) свыше 36 чел., или 85%, составляли карачаевцы. Остальные – русские (2 чел.), украинцы (1 чел.), абазинцы (1 чел.), кабардинцы (черкесы) (2 чел.)⁴. По другим данным, из 44 лиц, входивших в состав облисполкома на май 1926 г. (в том числе 38 членов и 6 кандидатов в члены), карачаевцы составляли 37 чел.⁵, или 84%.

Карачаевцы в 1926 г. возглавляли и большинство отделов и управлений облисполкома – административного, земельного, народного образования, здравоохранения, местного хозяйства, финансового, плановой комиссии и др.⁶ Аналогичная ситуация имела место и в 1927 г.⁷

В партийном руководстве КАО преобладание карачаевцев также было абсолютным. Они составляли 7 из 8 членов и кандидатов в члены первого же состава Карачаевского областного оргбюро партии, назначенного решением бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в апреле 1926 г.⁸; 8 из 11 членов и кандидатов в члены бюро обкома, избранных октябрьским пленумом обкома 1927 г.⁹; 7 из 11 избранных декабрьским пленумом обкома 1928 г.¹⁰

Этнический состав партийных органов, избранных 3-й областной партконференцией (декабрь 1928 г.), выглядел так:

- обком ВКП(б): 48 членов и кандидатов в члены, в том числе: карачаевцев – 31, русских – 12, евреев – 2, латышей – 1, болгарин – 1, татарин – 1;

- областная контрольная комиссия: 7 членов, в том числе: карачаевцев – 3, русских – 3, украинцев – 1;

- ревизионная комиссия: 4 члена и кандидата в члены, в том числе: карачаевец – 1, русских – 2, поляк – 1¹¹.

В целом все это отражало преобладание карачаевцев в общей численности коммунистов (на 1.01.1927 г. карачаевцы составляли более 41%, а на 1.01.1928 г. – около 54%)¹².

Аналогичная ситуация сложилась и в профсоюзном руководстве КАО. В 1926 г. карачаевцы составляли 7 из 14 членов облсовпрофа¹³, в 1927 г. – 16 из 31 члена и кандидатов в члены облсовпрофа¹⁴.

Но эти данные – и это следует подчеркнуть – не вполне отражают реальный расклад властных позиций в КАО. В руководящем звене областного подразделения ОГПУ в 1926 г. не было не только ни одного карачаевца, но и горцев вообще¹⁵. Из 36 «русскоязычных» служащих (русские, украинцы, латыши, немцы и др.), занимавших ведущие должности в партийных, государственных, профсоюзных органах КАО, большинство (21 чел.) работало в «силовых» (ОГПУ, облмилиция, облвоенкомат) и близких к ним (судебных, контрольных, фискальных) структурах¹⁶.

Данные обстоятельства позволяют сделать следующие *выводы*.

Во-первых, у коренного населения дефицит кадровых ресурсов в системе политического управления в годы НЭПа в целом не был преодолен. Направленные после окончательного утверждения власти Советов на обучение в вузы и сузы молодые горцы или еще не вернулись с мест учебы, или, вернувшись, еще не заняли весомых должностных позиций.

Во-вторых, органы государственного принуждения прочно контролировались центром через командированных им сюда испытанных, «проверенных кадров». Очевидно, после неоднократного ввода регулярных частей РККА на территорию Карачая (осенью 1920 г. из-за первого антисоветского восстания и в начале 1922 г. в связи с кабардино-карачаевским пограничным конфликтом) центр имел твердые основания не доверять местной элите.

В-третьих, численное преобладание «националов» в советских органах достаточно умело сбалансировалось численным преобладанием «русскоязычных» коммунистов в силовых структурах, что упреждало угрозу не только идейно-политической фронды, но и возможных сепаратистских поползновений.

Особого внимания заслуживает **образовательная** структура областной элиты в рассматриваемое время. Так, в составе 43 членов облисполкома по состоянию на 1926 г., с высшим и незаконченным высшим образованием было лишь 3 чел. (7%), со средним – 15 (35%), с «низшим», или начальным – 17 (40%). Как «малограмотные» отмечено 6 чел., «неграмотные» – 2 чел.¹⁷ Из 59 членов высшего уровня партийной элиты (в том числе 48 членов и кандидатов в члены обкома, 7 членов областной контрольной комиссии, 4 члена и кандидата в члены ревизионной комиссии), избранных 3-й областной партконференцией в декабре 1928 г., с высшим и незаконченным высшим образованием было 2 чел. (3%), со средним – 5 (8%), с «низшим», или начальным, – 40 чел. (68%)¹⁸. Сравнение показывает, что советский актив был *гораздо грамотнее* актива партийного (42 процентов имеющих среднее и высшее образование против 10 %).

Немаловажно указать и **профессиональную** структуру коллегиальных органов государственного и партийного управления. Например, в составе облисполкома, сформированного депутатами 1-го созыва обла-

стного Совета (1926 г.), она выглядит следующим образом: из 43 членов и кандидатов в члены: должностные лица – 34 (79%), домохозяйка, домохозяйки – 5, рядовые работники – 1¹⁹. Изначально были учителями – 9, медиками (фельдшерами) – 2, техниками – 2, другими служащими – 2. Остальные прежде работали скотоводами, вели крестьянскую работу²⁰. Как видим, в целом 15 членов облисполкома (35%) до прихода в органы власти имели профессиональный опыт интеллектуальной работы. В принципе, именно они, занимая все ведущие руководящие посты, и осуществляли реальное управление автономией по линии государственной власти.

Из 59 человек, входивших в областной уровень партийной элиты, составляли, помимо партийных ответработников (14 чел.), служащие советских органов (14 чел.), судебных и силовых структур (10), руководители хозяйственных, кооперативных и других структур (5 чел.). Как видим, более 70% высших коллегиальных органов партийной организации КАО составляли должностные лица. Интеллигенция в партийном активе была представлена крайне мало – 3 чел. (по одному работнику от редакции, от совпартшколы, от учителей)²¹.

В 1928 г. обком привел данные по базовой профессиональной принадлежности партийно-советских чиновников. Самый большой удельный вес (37%) принадлежал тем, кого обозначали неопределенным термином «учащиеся». Видимо, речь идет не о студентах и тем более школьниках, а о тех работниках, которые не имели никакой специальности и к тому времени обучались в различных учебных заведениях. Отмечалось, что в «прежней жизни, т. е. по своей досоветской работе, писарями являлось 16%, скотоводами – 12%, священнослужителями – 10%, техниками – 8%, учителями – 8%, почтово-телеграфными работниками – 6%, рабочими – 4%, военными – 2%²².

Очевидно, положительным было уже то, что 50% нового чиновничества составляла

наиболее грамотная в ту пору часть карачевского населения (учителя, писари, техники, связисты, военнослужащие, муллы).

Как видим, ленинский призыв привлечь кухарку к управлению государством на практике, в реальной жизни не получил административного отклика. Неграмотные и малограмотные люди, а также представители слабого пола числились в составе облисполкома сугубо для проформы.

Кстати, касаясь *половозрастной* структуры элиты, можно указать на то, что из четырех женщин – членов облисполкома должностной пост занимала лишь одна, 23-летняя Амина Аминова (зав. облженотделом). Остальные не занимали никаких должностей, в их числе – неграмотная 45-летняя Эрши Кулчаева и имевшая начальное образование 25-летняя Абидат Боташева (будущий член Союза писателей СССР), которые указаны как «домохозяйки», а также 23-летняя Фатима Халилова (урожд. Батчаева)²³. Отметим, что на 1 января 1928 г. в областной партийной организации было 39 женщин, в том числе 14 горянок (карачевок, осетинок)²⁴.

Добавим, что из 43 членов облисполкома КАО в 1926 г. возраст подавляющего большинства 31 чел. (свыше 70%) составлял менее 40 лет, в том числе 32% моложе 30 лет²⁵. Еще более молодым через два года был состав партийной элиты. Из 59 членов высшего уровня партийного актива КАО (членов и кандидатов в члены обкома, областных парткомиссий – контрольной и ревизионной) по состоянию на декабрь 1928 г., около 90% (53 чел.) было менее 40 лет, в том числе 31 чел. (58%) моложе 30 лет²⁶.

Нашего внимания заслуживает и *должностная* структура. В целом в первый же год существования КАО удалось сформировать более-менее дееспособный контингент служащих партийно-советского аппарата. Архивные данные указывают на разбивку должностей ответработников КАО – членов и кандидатов в члены ВКП(б) по категориям, определяемым в зависимости от стату-

са структур Северо-Кавказского краевого комитета партии, одобрение (утверждение, согласие) которых требовалось при подборе кадров на областную должность. Из 70 лиц областного актива (членов партии коммунистов – должностных лиц) абсолютное большинство – 59 чел. – относились к так называемой *номенклатуре № 1*. Следует сказать, что к самой высшей ступени данной категории должностей относились те, которые требовали утверждения пленумом крайкома ВКП(б). Таковых в КАО не было. Следующую – по нисходящей – ступень занимали те должности, которые утверждались бюро (или президиумом бюро) крайкома. К ним в КАО относились высшие региональные *партийные работники*: секретарь облоргбюро, зав. отделами оргбюро, инструктор оргбюро, уполномоченные облоргбюро по округам. Здесь же должны были утверждаться и некоторые *советские работники* из числа руководителей подразделений облисполкома (председатель плановой комиссии, зав. отделами и управлениями). Утверждения на бюро требовались и для кандидатур региональных руководителей *юридических и правоохранительных* структур: председатель облсуда, ст. следователь облсуда, участковые народные судьи, облпрокурор и его помощники, начальник облотдела ОГПУ, начальник СОЧ ОГПУ; начальник облмилиции – начальник административного отдела облисполкома. К данной номенклатурной категории принадлежали первые лица региональных структур *профсоюзов* (председатель облсовпрофа) и *комсомола* (секретарь обкома ВЛКСМ), руководители региональных газет и совпартшкол²⁷.

Третью ступень занимали те обладатели номенклатурных должностей КАО, которых утверждал секретариат крайкома партии. Это работники органов *партийных* (управделами облоргбюро), *советских* (заведующие подотделами облисполкома), *судебных и правоохранительных* (зам. пред. и члены областного суда, уполномоченное

отделов ОГПУ, районные уполномоченные ОГПУ, зам. начальника облмилиции – зам. нач. адм. отдела облисполкома), *комсомольских* (зав. отделами и подотделами обкома ВЛКСМ)²⁸.

Отдельно, как бы вне указанной номенклатурной лестницы, шла категория должностей, которые формально имели самостоятельность и напрямую не подчинялись крайкому партии; для занятия таких должностей требовалось не утверждение, а «лишь» *согласование* с бюро крайкома партии. Это касалось по партийной линии уполномоченных областной контрольной комиссии ВКП(б), а по советской – председателя облисполкома²⁹.

Ниже шла так называемая *номенклатура № 2*, вопрос о которой решался на уровне организационного отдела крайкома партии. Напрямую им утверждались лишь инструкторы отделов областного оргбюро партии, отделов и управлений облисполкома. К этой категории номенклатуры относились и те должности, назначение на которые требовало согласования орготделом крайкома ВКП(б). Это *советские* руководители (председатели окружных исполкомов), *профсоюзные* лидеры (председатели областных организаций отраслевых профсоюзов), *работники правоохранительных органов* (нач. окруж. милиции – нач. адм. отдела окружного исполкома)³⁰.

В учетно-кадровой практике указывался также так называемый масштаб должностей ответработников – губернский, окружной, районный. В КАО должностей первого масштаба не было, к числу второго (окружного) относились лишь пять высших областных должностей: по линиям партийного управления (секретарь областного оргбюро ВКП(б), его заместитель, уполномоченный КК) и ветвям власти – исполнительной (председатель облисполкома) и судебной (председатель облсуда). Примечательно, что зам. председателя и члены облсуда, а также руководители «силовых» структур (начальник ОГПУ, облпрокурор) и целый

ряд достаточно высоких должностей причислялись лишь к районному масштабу. Значительная масса коммунистов-руководителей оказывались «на прикреплении», т. е. в категории, которая формально не обозначалась по масштабности своих должностей³¹.

Первое обнаружение сведений о *социальной* структуре зарождающейся новой бюрократии относится к 1928 г., когда они были озвучены в докладе партийного руководителя области Макарова на 5-м пленуме обкома. Были приведены интересные статистические данные, характеризующие состав областной актива (работников партийно-советских органов). В частности, отмечалось социальное происхождение элиты. Почти две трети (64%), естественно, принадлежали к крестьянству. Следующими шли выходцы из семей «землевладельцев» – 20%, затем, с большим отрывом, из семей мусульманского духовенства – 6%, из семей служащих среднего звена (судьи, юристы) – 4%. По 2% составляли выходцы из семей князей, торговцев и мелких конторских служащих (писарей)³².

В докладе указывалась и *классовая* структура актива, в основе которой – факторы *состоятельности и использования наемного труда*. Из кулачества происходило 22% чиновников, из категории «зажиточных» – столько же, из середняков – 38%, из бедняков – 18%³³. Добавим, что на 1.01.1928 г. рабочие составляли лишь 17,5% коммунистов КАО³⁴.

Макаров констатировал: «Формирование актива, как видите, шло из верхов», вернее – из их «более революционной части», что «лучше, чем место заняли бы реакционные элементы». Партийный лидер отмечал мотивацию прихода в актив: «Одни из них шли сознательно, другие – прикрыть свои грязные дела, а третьи – получить материальные блага». Докладчик сетовал на то, что к настоящему времени на всю область имеется лишь шесть коммунистов из числа батрачества, т. е. сельского пролетариата. Макаров лишь отчасти верно указывал и на причину этого: батраки и бедняки «боялись подойти к выделившемуся активу, они боялись идти к бывшему князю и мулле за поручительством» (рекомендацией на прием в партию)³⁵.

Факты излагались в целом верно, но доклад не освещал проблему глубже. Дело в том, что бедняцко-батрацеская прослойка была *меньшинством* карачаевского населения, не пользовавшимся ни уважением, ни влиянием. Основная масса населения состояла из того социального слоя, который ныне именуют «средним классом» (советский, очень схожий термин – *середняк*), удельный вес которых в аппарате, в общем-то, пропорционально и справедливо отражал социальную структуру нэповского Карачая.

Таким был в целом облик властных структур в период НЭПа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): Сб. док. / Сост. В. П. Невской, И. М. Шаманова, С. П. Несмачной. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1985. С. 193–195.

² Газета «Ленинское Знамя». Черкесск. 1966. 25 февраля. № 40 (8299).

³ Гос. архив КЧР. Ф. 326. Оп.1. Д. 1. Л. 14.

⁴ Центр документации общ. движений и партий КЧР (далее ЦДОДП КЧР). Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–40. (Список членов облисполкома на 22.05.1926.)

⁵ Там же. Л. 22. (Список членов исполкома областного Совета 1-го созыва 1926 г.)

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 210.

¹⁰ Там же. Д. 16. Л. 71.

¹¹ Там же. Д. 21.

- ¹² Архив Карачаевского НИИ (далее АКНИИ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.
- ¹³ ЦДОДП КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 239.
- ¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 52.
- ¹⁶ Там же. Л. 136–138.
- ¹⁷ Там же. Д. 9. Л. 38–40.
- ¹⁸ Там же. Д. 21.
- ¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 38–40.
- ²⁰ Там же. Д. 9. Л. 38–40.
- ²¹ Там же. Д. 21.
- ²² ЦДОДП КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 49 об.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 39. 40.
- ²⁴ АКНИИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.
- ²⁵ ЦДОДП КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 38–40.
- ²⁶ Там же. Д. 21.
- ²⁷ Там же. Д. 1. Л. 51–52.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 136–138.
- ³² Там же. Д. 16. Л. 49 об.
- ³³ Там же.
- ³⁴ АКНИИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.
- ³⁵ ЦДОДП КЧР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 49 об.